

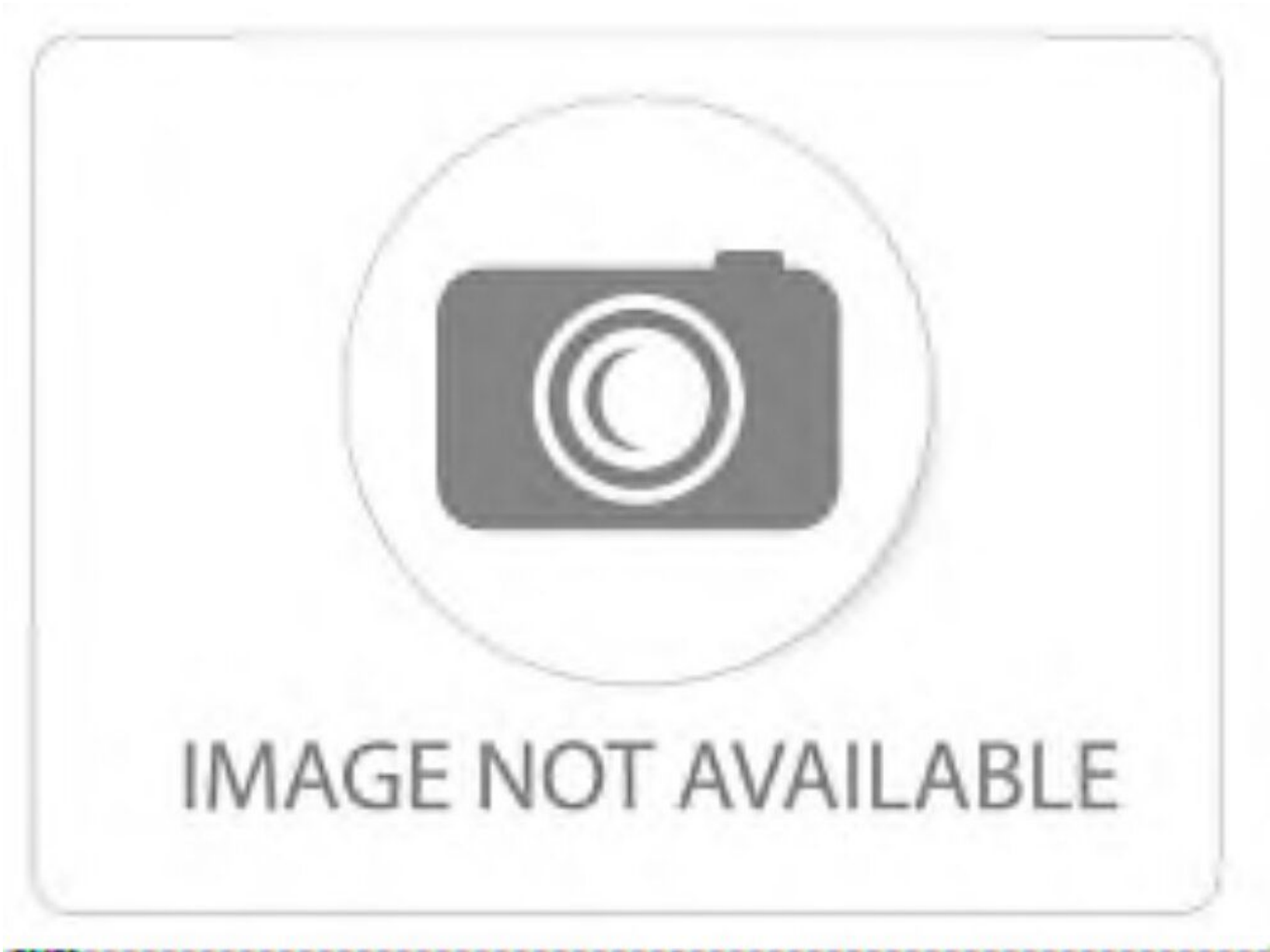
Berelis Glazeris, full unedited interview

ID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE	VIDEO	ORIGINAL LANGUAGE	RUSSIAN
-----------	-------	-------------------	---------

TABLE OF CONTENTS **ITEM TRANSCRIPT**

ORIGINAL TRANSLATION	2
ENGLISH TRANSLATION	11
CITATION & RIGHTS	20

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

TRANSCRIPT ORIGINAL TRANSLATION

- Сегодня 3 июня 2008 года. Мы в Вильнюсе, встречаемся с ветераном и инвалидом Великой Отечественной войны. Пожалуйста, назовите ваше имя, фамилию. Расскажите, как прошли довоенные годы вашей жизни, в какой семье вы росли, в какой школе учились, как вы оказались в армии и как прошли для вас военные годы.

Глазерис Борис Самойлович. Родился я в городе Шауляй, а воспитывался я в маленьком местечке. Мама и папа жили в Шауляе, А бабушка жила в Юнимаксе, это Резекненский уезд. Мама умерла, когда мне было только полтора года. Она перед смертью сказала бабушке, - своей маме – чтобы она детей – я и сестра была – не отдавала отцу, потому что «я не хочу». И правильно она сказала. Мама умерла, и отец уехал, мы его не видели до 37-го года. А это было в 25-ом году. Почему мы потом его стали искать? Дядя работал в Клайпеде, другой в Упене. Бабушка жила одна уже без мужа. Они посылали деньги, бабушка нас воспитывала. Сестра хотела учиться, ей дали потом образование в Шауляе..

А я не хотел учиться. Я кончил начальную школу и пошел работать. Работал на шоссейной дороге. У нас тянули шоссейную дорогу. Хоть пацан был, но надо было помочь бабушке. Так длилось до 37-го года. По-моему в 37 году немец забрал Клайпедский край (В 1939 году). Остались без работы. Я вынужден был искать отца. Сестричка училась, бедненькая. Потом решил ей помочь. Я стал работать в Шауляе на лесопильном заводе. Там была такая грязь, что машина не могла подъехать. Я запрягал лошадь и тянул на лошади бревна на лесопилку. Это моя работа была.

Когда немец забрал Клайпедский край, мы начали искать отца. Он оказался недалеко от Шауляй. Когда мы с сестрой приехали и поймали его, он говорит: «А что вы хотите от меня?». Он еще был холостяк, неженат. Я сказал: мы хотим, чтобы ты помог сестре учиться, а я заработаю на хлеб. Хорошо, говорит, сделаем это. К сожалению, не сделал. Так я больше не видел сестру. Она погибла, а я удрал от немцев. Сестра училась в Каунасе, она попала в гетто...

Я работал в Шауляе, воз этот тянул. Когда война началась, я убежал. Убежал я на велосипеде до Риги. Через Елгава и Рига. В Риге нас забрали и заставили носить носилки с песком на чердаки, потому что бомбили зажигательными бомбами, и чтобы не горели дома. Удрали на железнодорожный вокзал, а там шел поезд с офицерскими женами из Вильнюса на Ленинград. Мы ехали на тамбуре зайцем до Пскова. В Пскове нас забрали. У кого был армейский призыв (имеется в виду призывной возраст), их в военкомат, а я был пацан. Я родился 1 октября 1924. Мне сказали: «Подождите, будет эшелон и вас будут эвакуировать». Еще собрались люди, а в лесу застрял товарняк. Погрузили нас в эшелон, довезли до Чувашской республики, станция Канас. Там уже ждали колхозники и развезли нас по колхозам там. Опять мы удрали с друзьями в город Чебоксары – столица Чувашской республики. В Чебоксарах я устроился на лошади опять возить с Волги дрова на кирпичный завод. И тоже недолго поработал, пока похолодало. Как и все, так и я, - в теплые

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

края. Побежал зайцем на Ташкент. Добрался я до Ташкента с трудом. Сначала мы поехали пароходом, хотели сойти в Астрахани, а там уже немцы подходили. Пришлось вернуться опять пароходом до Куйбышева. Потом как-то добрался, даже не помню, до Ташкента. В Ташкенте я опять удрал в район Алтыарык Ферганской области. В колхоз. Недолго я там был, и меня забрали в ФЗО, направили в район Алтыарык, колхоз Энгельс. Меня направили в Фергане в ремесленное училище. Там я немного был – два или три месяца.

Формировалась 16-ая Литовская дивизия в 42-ом году. Меня вызвали в военкомат. Я еще был непризывной возраст, но сказали, если вы хотите, мы вас можем послать в Литовскую дивизию. Хорошо, я согласен, может дядю моего там встречу. Поехал, попал в город Балахна. Там формировалась 16-ая Литовская дивизия. Меня назначили сразу минометчиком. Мы стояли в городе Городец. Там в лесу возле Городца, недалеко от Балахны. И там почему-то меня переформировали в пехоту ручным пулеметчиком. 167-ой полк, 1-ый батальон, 1-ая рота, пулеметчиком.

- Ручной пулемет?

Ручной. У нас в роте не было станкового. И вот так я войну начал. Нас в Тулу направили... Пешком или на машине, не помню. Щекино возле Тулы. А потом, когда стало прохладно, нас в громадный дом. Целый полк разместился там, улица Красноармейская в Туле.

- Это еще 42-ой год был?

Сначала 42-й. Нас держали в Туле до глубокой осени. Глубокой осенью формировался эшелон, и нас к фронту до станции Скуратово Орловской области. На станции Скуратово нас разгрузили, сказали, пешком будем добираться: ночью ходить, а днем будем искать, где остановиться. . К сожалению, пока мы находили, где остановиться, уже не было когда отдыхать. Так мы двигались к фронту. Прибыли на фронт. Это уже было... после нового года. С начала февраля нас уже в бой бросили.

- 43-го года?

43-го, да. Там в Алексеевке много погибло наших. Змеевка, потом Семидворники... – деревни. Потом нас перебросили, стояли в обороне примерно четыре месяца. Заняли оборону, там уже ближе от Орла. Я был пулеметчиком, нас двое было только. Там мы стояли, потом нас перебросили километра полтора правей и сказали: мы будем наступать. Это было 15 июля, где я получил тяжелое ранение. Ни танков не было, ни артподготовки не было, ни самолетов – ничего. Сказали, перебежками-перебежками. Где там перебежками? Там рожь был до пупа – вот наша маскировка была. А сверху там высотка. Пулеметы стреляли и снайперы. Меня снайпер. Мне в тазобедренный

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

сустав разрывная пуля, и я - всё. Думаю, пойдет танк, меня раздавит.. Но нет, повезло : танки не пошли, обстрел кончился. Наши потянулись все назад, а я и еще много таких, как я ... Убитые были и раненые.

Подполз санитар, мой знакомый хороший. Еврей, Пеня Клем. И он нас затянул, там такая низина была, там медпункт стоял. Крови не было у меня. Прорезали вот здесь вену, вставили такую трубку и налили туда кровь. Потом приехал на лошади, забрал меня. Стоял санитарный поезд, набрал полно нас раненых... Довезли нас до Тамбова товарняком. Там нас выгрузили на носилках. Ничего не было, в школе. В школе мы побыли два или три дня на носилках. Пришел хороший поезд санитарный, и нас довели до города Чапаев, Куйбышевская область, сорок километров от Куйбышева. Там я продолжал всё лечение. Наложили гипс, а здесь (в ладони) осталась трубка. И почему я знаю, что разрывная, потому что на конце черная подкраска была. Так я пролежал там шесть или семь месяцев. Выписывают меня. На костылях, конечно, гипс сняли, но ходил я на костылях. Сказали: куда поедешь? Не знаю сам, куда. Вильнюс еще занят, родственников никаких нет. Так один умный врач был: «Я вам посоветую: пускай вам дадут направление в Москве в эвакоприемник. Колонцовская улица, Колонцовская 25. Там эвакоприемник. Вам понравится и им хорошо будет». так и было.

Это возле Казанского вокзала Колонцовская улица. Были в Москве?

- Да.

Казанский вокзал знаете?

- Да.

А Колонцовскую улицу?

- Нет.

Колонцовская 25. Там небольшой дом деревянный. И там в это время был как раз... как мы их называли... кукушки: освобождали из части девушек, которые были временно. Кукушки. И вот одна девочка говорит: «Слушай, дорогой, поедem со мной. Я сама из Мельник, там много евреев. Почему там евреев много? Потому что там до Винницы были немцы и украинцы действовали. А из Мельник уже румыны были. А румыны не убивали евреев. Был лагерь там, носили желтые на спине латы.

Я согласился и поехал. То есть она хотела, чтобы я поехал домой к ее родителям. Нет, чужого ребенка растить я не хочу. Я побыл там. Небольшой дом для инвалидов был. Месяца два побыл. А

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

потом зайцем сорвался, документы у меня были с собой. Пробирался до Киева сначала, а потом – Минск, потому что Киев-Минск уже ходил поезд. До Минска добрался. Были одни землянки, всё разрушено. Шли товарные вагоны еще с оружием на фронт. Так один хороший начальник поезда – подполковник, по-моему он даже был еврей – «Я вас могу, мы проедем в Вильнюс, но учтите: в случае что, вы самовольно залезли, я вас не видел». И так доехал до Вильнюса. Доехал до Вильнюса, там еще двое были со мной. Было Министерство торговли на Виленской 32. И там нам предлагают. А квартиры были с мебелью... Фашисты удрали и те, кто помогали немцам, и мебель там, и всё. Ну, зачем мне квартира, зачем мне всё. А там рядом был дом престарелых – три большущих комнаты по сто метров, а людей никого не было абсолютно. Я говорю: давайте, ребята, пойдем в этот дом престарелых и будем жить. Карточки были. В Министерстве торговли дали нам литер «Б». «А» была самая лучшая, а вторая была литер «Б». Продукты были дешевые. Питались в спецмагазине. Я уже скоро окреп немножко. Формировался автобусный парк – трофейные машины Манн, Мерседес, и были полуторки ГАЗ. И мне предлагали: на костылях вы нигде не сможете, давайте, мы вас устроим на полуторки или на автобус сядете. Сидеть можете – вот и всё.

И так меня устроили, проработал до шестидесятого года. В шестидесятом году у меня нога окрепла и приняли меня в таксопарк. Проработал 26 лет до 86-го года таксистом. Пропустил главное. Я познакомился в Вильнюсе с одной хорошей девушкой, фронтовичка была. И мы жили с ней. Ну, когда в 49-ом году родилась у меня дочка, тогда я вынужден был... Да, она не хотела расписываться, потому что она была ленинградка: «Я хочу поехать в Ленинград, а ты не хочешь». Я говорю, ребенок же растет. Короче говоря, до 73-го так тянулось. Да, в 52-ом родился сын. И мы так до 73-го года... Расписались... Она, к сожалению, умерла. До 86-го года работал в таксопарке, В 91-ом году моя жена бедненькая умерла. Дочка вышла замуж раньше, сын потом женился, и я остался один. Вот коротко и ясно. Пенсию получаю неплохую. Был второй группы, а когда уже ослеп – инвалид 1-ой группы. Мне платили 275 рублей за уход... Но что толку. На лекарства нехватает. Давали раньше лекарства, а теперь говорят, нету денег. Покупай. Что делать?

Да, еще главное я не рассказывал. С шестидесятого года, как я стал работать таксистом, так я стал верующим, и я начал ходить в синагогу. Когда я был кондуктором на междугородном автобусе, я не мог. А когда я на такси, я мог делать, что хочу. У нас в парке было всего три инвалида войны. Нам дали все льготы. Когда таксист выезжал из гаража, он должен был сдать план за смену полностью. Испортилась машина, не испортилась – сдавай. А нам – сколько отработаете, столько получаете. Больше отработали – больше получите. А не инвалиды, если не выполнил план, значит прогрессивку не получишь.

- Вы были в 16-ой Литовской дивизии.

Да, в первой роте 167-го полка. Ручной пулеметчик.

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

- Первый номер? Или один был?

Там два номера. Первый номер я был, а второй номер... две коробки, а в коробке по три диска, в диске 48 патронов. Это мука была, пока заправишь их. Выпустить быстро их, а пока заправишь... Хорошо, что второй номер у меня хороший был. Так я гражданскую жизнь закончил свою и военную жизнь.

- Вам запомнился первый бой?

Первый бой... я вам скажу, очень много погибло, потому что у немцев был пристрелян каждый куст. Там снега было до шеи. Они вооружены до зубов, а мы слабо вооруженные. Они трусили сами, немцы, потому что авиация помогала нам. А уж в это наступление ничего не было. Авиация их размолола. Когда мы взяли Алексеевку, не было ни одного немца. Сбежали. Убитых было много.

- Раненые тоже были немцы?

Были, но оказали помощь... который был нахальный, - с ним разделались. Молодые были... дашь попить, они вырывают у тебя из рук и нахальничают. Заставляют идти - не идут, вырываются. Ну, вырывается... пук, и всё. А что делать? Это было. Мало таких дураков, а старые люди шли сами. Тяжелые раненые - и мы им помогали. Все хотят жить, причем здесь солдат? Я никого не стрелял, ребята подстрелили одного. Он был в форме разведчика - в пятнах комбинезон.

- В Литовской дивизии были литовцы, евреи, русские...

Я вам скажу. Литовцы были только те, которые служили кадровую службу. Были хорошие ребята тоже. Но все-таки много перебежали. Когда мы стояли под Орлом, многие перебежали. Русские какие - дед был из Литвы. С Сибири приезжали ребята, а их дед был с Литвы. Евреев сначала было процентов сорок.

- Команды были на каком языке?

В шестой роте по-еврейски командовали, а так по-русски, только по-русски.

- Вы знали русский, когда война началась?

Русский язык не знали.

- Во время войны научились?

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Да. Знали, когда пришла к нам Красная Армия, нам нравилось. Артиллерия – лошади. Пели очень хорошо, и женщин было много. «Сулико» пели, нам очень нравилось. Они начали строить подземные аэродромы, но к сожалению, ничего не успели. В Панарах семьдесят тысяч евреев расстреляны. Там они строили подземный аэродром, и эти ямы немец использовал расстрелять евреев. Они не успели построить, но котлованы были вырыты – десять ям. Так семь ям заполнили семьдесят тысяч. Каждая яма по десять тысяч евреев. Это – литовские евреи. А стреляла молодежь. У нас жили раньше евреи и литовцы, как братья. До 37-го года. А в 37-ом году стали литовские партии создаваться . . . Уже стал антисемитизм. Приходилось даже ночью ходить – я в маленьком местечке жил, дома деревянные; приходилось ходить и караулить, чтобы не подожгли дома.

- Когда пришла Красная Армия? До этого еще?

До этого. Красная Армия зашла в сороковом. До этого, до этого. Еще одна беда была, что перед самой войной поменяли литовцев, которые в Германии, чтобы приехали в Литву, а немцы, которые живут в Литве, чтобы поехали в Германию. Вот это была беда.

- Почему вы поехали в Вильнюс после войны?

А куда было ехать? В нашем местечке костел и то был разрушен. Там бои были.

- В городе легче жизнь устроить.

Ну, конечно. Там хоть нас устроили сразу: дали общежитие, а потом квартиры дали, работу дали . А что еще искать. Своих ... я поехал узнал – никого нет, все расстреляны, как все. Дяди в Каунасе были. Который был в Упине, имел лесопилку. Когда пришла Красная Армия, он удрал в другой город от русских. Моя сестра там погибла. Она приехала на каникулы к нему одышать. Там было два сына-подростка и дочка маленькая, четыре годика. При немцах он добился... комендант города при немцах дал ему документ, чтобы поехать в Упиню. Когда он приехал, девочка – папочка, папочка. И тут приходят и всех детей забрали. Кто говорит на кровь солдатам, кто говорит, что их убили сразу. Он не хотел дать, так вместе с ними расстреляли.

- Когда вы узнали о трагедии литовских евреев? Во время войны, после войны?

После войны. Слышали передачи, артисты приезжали... Партизаны тогда уже действовали... Но настолько не знали. Это литовцы расстреливали в основном.

- Судили, наказывали литовцев, если знали, что они убивали?

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Очень мало успели наказывать, потому что теперь новые законы... Не знаю, не буду говорить.

Не стесняются говорить: «Били и будем бить». Недавно устроили... 200 человек... и главное, что полиция их охраняла. «Русские и юде, вон из Литвы». А полиция их охраняла. Спрашивается, где закон? Вот так.

- Ваши дети живут в Вильнюсе?

В Вильнюсе, да. Сын кончил институт, а дочка не хотела учиться, так она в садике. Уже у них сын взрослый, женатый и внучка есть у них, мой правнук.

- Они знают, как вы воевали, как вы жили?

Я вам должен сказать, сын такую вредную взял жену... она ждет моей смерти. А виноват я. Квартира двухкомнатная, и я переписал на сына. Я думал, что они будут благодарны, а теперь ... скорей помру, чтобы можно было продать квартиру и деньги получить.

- Вы дружите с литовцами?

Я не могу обвинить всех литоцев. Есть хорошие литовцы. Есть литовцы, которые прятали евреев. Если находили еврея, спрятанного в литовской семье, расстреляли.

- Это вам рассказывали...

Я знаю, я знаю. Даже был суд. Факт тот, что были хорошие, были плохие. Даже один ксендз делал так подло, что никто не поверит. Местечко Бутремонис. В Бутремонисе была семья богатая: муж с женой, дочка вышла замуж два года перед войной и ребёнок родился... Отца и мать быстро расстреляли, а этот муж, золото у него было... спрятались к ксендзу. Три дня оставалось до освобождения. Когда он увидел, что придут русские, ночью зашел, чтоб золото забрать всё, отрубил головы всех трех. Был суд. Это мне рассказала женщина, которая жила там. Но были ксёндзы, которые спасли евреев. Даже переписывали метрики: литовские или польские делали. Были такие тоже. Были разные.

- Когда вы получили тяжелое ранение...

Притащили в лощину, там медсанбат был. Оказали помощь: вставили трубку и налили кровь. И потом, я помню, дали стакан горячего чая со сладким пососать.

- В медсанбате работали литовские врачи?

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Были с Литвы. Не все перебежали. Перебежали, но не все. Наш командир полка был майор литовской армии. Генерал тоже был из литовской армии. Матиаускас по политчасти... когда зашли русские в Вильнюс, набирали в армию. Меня сразу, как в Балахне приняли, мне дали в минроте служить. Командир роты был литовец, командир роты литовец. А командир отделения был еврей. Были хорошие командиры. Полковник сам ходил вперед в атаку. Ему дали бы давно генерала, но его брат был в немецкой армии. Обвинили его, что он знал, где он. Как он мог знать, когда он воевал с нами против немцев. Был патриот, первый шел в атаку.

- После войны вы встречались с теми, с кем воевали рядом?

Григорайтис. Мы с ним дружили, выпивали, на рыбалку ездили.

- Кто он был во время войны?

Младший лейтенант, а потом он стал полковником. Мы стояли в Туле, он женился на русской. Он был очень хороший друг мой, очень хороший. Он по-еврейски говорил, как еврей. Он среди евреев жил. Шестая рота была одни евреи, по-еврейски песни пели.

- Кто-нибудь говорил молитвы в субботу? Были религиозные евреи? Или это отошло всё на второй план?

В армии один был. Он погиб, бедный. Погиб, стоя, когда мы были в глубоком снегу. Сейчас мало евреев. Самое большее собирается 17 человек в синагоге. Поезжайте в синагогу, там кладбище - Гаон, семь евреев...

- Есть дом, где жил Гаон в старом городе, там доска висит.

Это во дворе, где синагога была старая. Гаона улица есть, Жиде улица, Антокольского улица. Это старый город. Где вы живете, каком отеле?

- «Конти».

О, так это где еврейская синагога.

- Возле синагоги.

Там все евреи живут. Там хозяин еврей. Он недавно открылся. Там дорого.

- Все говорят, что это еврейская гостиница.

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>ITEM TYPE **VIDEO**

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Я вам скажу, почему. Потому что там кошерная пища есть.

- Там утром рядом лежит сыр, колбаса, молоко, ветчина.

Так я не говорю, что только.

- Спасибо Вам большое.

...

- У Вас есть награды?

За Отечественную Войну и За Отвагу.

- За что получили "За Отвагу"?

Наступление на Курской Дуге...

- Против вас танки шли?

Нет, нет. Были там самоходные пушки.

-Много погибло тогда?

Нет, тогда удачно было. Если погибли бы, некому было бы награждать. В 43-м много погибло.

- А Орден Отечественной Войны когда получили?

После войны, всех, кто воевал наградили. Кто ранен, тот получил первой степени, а остальные - второй... У нас в дивизии было пять героев потом... Одна девушка получила три Ордена Славы. Она была пулемётчицей. Она выжила. Её берегли...

-Спасибо большое!

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

TRANSCRIPT ENGLISH TRANSLATION

—Today is June 3, 2008. We are in Vilnius, meeting with a disabled veteran of the Great Patriotic War. Please introduce yourself. Tell us about your pre-war years, your family and school, and how you ended up in the army during the war.

Boris Samoilovich Glazeris. I was born in Šiauliai, but was brought up in a small village. Mother and Father lived in Šiauliai, and my grandmother lived in Unimaks, Rezekne County. Mother died when I was only one and a half years old. Before she died, she asked her mother not to give the children—me and my sister—to Father, because she didn't want to. And she was right. Mother died, Father left, and we did not see him until 1937. And this was in 1925. Why did we start looking for him? My uncle worked in Klaipeda and another in Upyna. Grandmother lived alone without a husband. They sent money, and Grandma brought us up. My sister wanted to study and was later educated in Šiauliai.

And I did not care for studying, so I got a job straight after primary school. I worked at the construction of a nearby highway. Although I was still a boy, I had to help Grandma. It lasted until 1937. I think the Germans annexed Klaipeda County in 1937 [1939]. We lost our jobs. I had to look for Father. My poor sister was still studying, so I decided to help her and got a job at a sawmill in Šiauliai. A car couldn't get through the mud, so my job was to harness a horse and take the logs to the sawmill.

When the Germans overtook Klaipeda County, we began to look for our father. He was in a place near Šiauliai. When my sister and I showed up and caught him, he said, "What do you want from me?" He was still a bachelor, unmarried. I said, "We want you to help my sister study, and I will earn my living." Ok, he said, but, alas, never did help. And I never saw my sister again. She died, and I fled from the Germans. My sister went to school in Kaunas, she ended up in a ghetto. She went to Upyna on vacation and got caught up there . . .

I worked in Šiauliai, pulling the cart. When the war began, I ran away. I ran off on a bicycle to Riga via Jelgava. In Riga, we were made to carry sand to attics to prevent buildings from catching fire from incendiary bombs. We fled to the railway station and boarded a Vilnius-Leningrad [St. Petersburg] train carrying officers' wives. We rode as stowaways to Pskov before we got caught. Those of draft age were referred to the military recruitment office, but I was still a kid, born on October 1, 1924. I was told to wait a little for a train to be evacuated. More people arrived, and a freight train got stuck in the woods. We were loaded into the train and taken to Kanash station in the Chuvash Republic. Collective farmers were already waiting there to drive us to kolkhozes. Again, my friends and I fled to Cheboksary, the capital of the Chuvash Republic. In Cheboksary I got a job carrying timber from the Volga to a brick factory. I didn't linger there, when it got cold, I went south like everyone else. I ran away to Tashkent but with great difficulty. First we went by a steamer, wanted to get off in Astrakhan, but the Germans were getting close.

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

So we had to sail back to Kuibyshev [Samara]. Then I somehow got to Tashkent. From there, I again fled to the Engels kolkhoz in the Oltiariq district of Fergana Oblast. Before long, I was accepted to a factory training school. I was sent to Fergana to a trade school and stayed there for two or three months.

In 1942 the 16th Lithuanian Division was being formed. I was summoned to the recruitment office, and though I was still underage, they said that I could join the division if I wanted to. I agreed, hoping to meet my uncle there, and got to the city of Balakhna, where the 16th Lithuanian Division was being formed. I was immediately assigned to a mortar squad. We were stationed in the woods near the town of Gorodets, not far from Balakhna. And there, for some reason, I was transferred to the infantry as a machine gunner. 167th regiment, 1st battalion, 1st company, machine-gunner.

—Light machine gun?

Yes. We did not have a mounted machine gun in our company. And so I went to war. We were sent to Shchyokino near Tula . . . On foot or by car, I don't remember. And then, when it got colder, we were billeted in a huge building. A whole regiment was billeted in Krasnoarmeyskaya Street in Tula.

—This is still 1942?

1942. We were stationed in Tula until the late fall, when we went by train to the front via Skuratovo station, Orel Oblast. At Skuratovo we disembarked and were told that we would go on foot from there: march by night and look for shelter by day. Unfortunately, by the time we would find shelter, there was no time left for rest. Thus we made our way to the front. We got to the front already after the New Year. At the beginning of February, we were thrown into battle.

—1943?

Yes, 1943. Many of our guys perished in Alekseyevka, Zmeyevka, also Semidvorniki . . . Subsequently, they transferred us to defense positions in the vicinity of Orel, where we remained for about four months. I was one of two machine gunners. After a while, we moved 1.5 kilometers to the right and were ordered to attack. This was on July 15, when I was seriously wounded. There were no tanks, no artillery preparation, no airplanes—nothing. We were told to move in short runs. Easier said than done! The rye up to our navels was all we had in the way of maskirovka. There was a hillock from which machine guns and snipers fired at us. A sniper got me in a hip joint with an explosive bullet. I thought I was done for, a tank would crash me . . . But luckily no tanks appeared, and the fire stopped. Our ranks pulled back, while I and many like me . . . Many were wounded and killed.

An orderly crawled over; he was a friend, a Jew, Penya Klem. And he hauled us into a ravine, where a

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

medical-sanitary battalion was located. I had lost lots of blood, so they cut a vein here, inserted a catheter, and transfused blood. Then he brought a horse and carted me away. The lot of us were loaded onto a makeshift freight-cum-medical train . . . which took us to Tambov. There, we were loaded on stretchers and taken to this empty school, where we spent two or three days. A proper medical train arrived and delivered us to Chapaev, Kuibyshev [Samara] Oblast, 40 kilometers from Kuibyshev. I continued my treatment there. My leg was put in a cast, while a bullet fragment got stuck in the palm, here. And I knew this was an explosive bullet, because it was tinted at the back. So I spent six or seven months in that hospital. When the time came to discharge me—the cast had been removed but I was still on crutches—they asked me where I would go. I didn't know. Vilnius was still occupied; I had no relatives. So, one clever doctor advised me to get a referral to an evacuation center in Moscow, located at 25 Kolontsovskaya Street. He said I would like it there and it would be good for them. And so it was.

Kolontsovskaya Street is near Kazan Train Station. Have you ever been to Moscow?

—Yes.

Do you know Kazan Train Station?

—Yes.

And Kolontsovskaya street?

—No.

There is a small wooden house at 25 Kolontsovskaya Street. At the time there were . . . how did we call them—cuckoos: pregnant girls who had been discharged from the ranks. Cuckoos. And one girl says to me, "Listen, darling, come with me. I am from Melnyky, there are many Jews there." The reason many Jews remained there was because Melnyky had been occupied by the Romanians, whereas Vinnitsa [Vynitsia] was under the Germans and Ukrainians. Romanians did not kill Jews; they organized a camp and the inmates wore yellow patches on the back.

I agreed and went. That is, she wanted me to go live with her parents. I didn't want to raise someone else's child. I stayed there for about two months in a small center for the disabled. And then I left—I had my papers on me—first going to Kiev [Kyiv] and then Minsk, because a Kiev-Minsk railway route was already operational. I arrived in Minsk, where everything had been destroyed; people lived in dugouts. Trains still carried ammunition to the front. A lieutenant colonel who was head of train—he might have been a Jew—kindly suggested, "I can take you to Vilnius, but keep in mind, if you are caught as a stowaway, I will not be responsible". And so I travelled to Vilnius with two other guys. The Trade Ministry was located at 32

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Vilna Street, and they offered us . . . There were furnished flats . . . The Nazis and their collaborators had fled and left everything behind. I didn't need a flat. There was a nursing home nearby—three large rooms a hundred meters each and not a soul living there. I said, "Guys, let's live at the nursing home". We received our ration cards. At the ministry we were assigned letter "B", with letter "A" being the highest. Food was cheap, and we bought stuff from a special shop. I soon got a little stronger. A bus depot was being put together consisting of trophy cars like Mann, Mercedes, and GAZ lorries. And, considering my disability, I was offered a position of a bus or lorry driver.

And so I worked until 1960. By then my leg had gotten better and I became a taxi driver, working for twenty-six years until 1986. I overlooked the main thing. In Vilnius I met a girl, who was also a war veteran. We lived together, and in 1949 had a daughter. Then I had to . . . Yes, she did not want to get married because she was from Leningrad: "I want to go back to Leningrad, but you don't". I reminded her that we had a child together. Long story short, it all dragged on until 1973. Our son was born in 1952, but we didn't get married until 1973 . . . Unfortunately, she has passed away. Until 1986 I worked as a taxi driver. In 1991 my poor wife died. The children got married, and I was left alone. There you are, short and to the point. My pension is alright. I used to have second category disability, but received first category when I went blind and was paid additional 275 rubles for care . . . But it's peanuts, not even enough to pay for medication. I used to get drugs for free and now they just say there is no money, you have to pay yourself. What am I to do?

Oh, and more importantly, from 1960, when I became a taxi driver, I turned to religion, started going to the synagogue. When I was a bus driver, I wasn't allowed, but as a taxi driver I could do whatever I pleased. We had only three disabled veterans in the depot. We received all the benefits. When a taxi driver was out of the garage, he had to fulfil a shift plan. No matter if your car didn't work, you had to hand over the earnings. We, however, were allowed not to make the quota. If you earn more, you get more. Non-disabled guys wouldn't get any raise if they didn't make the plan.

—You were in the 16th Lithuanian Division?

Yes, in the 1st company of the 167th regiment. A machine gunner.

—Were you First operator? Or was there just one?

There were two operators. I was the operator . . . there were two boxes containing three circular pan magazines each with forty-eight cartridges per magazine. It was such a pain to reload them. Easy to fire, but reloading . . . Luckily, I had a great mate. Thus I ended my civil life and military life.

—Do you remember the first battle?

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

The first battle . . . So many were killed, because the Germans had every bush covered. Snow was up to one's neck. They are armed to the teeth, and we had very little ammo. They lost their nerve, because we had air support. And during that particular attack, they had none—our aviation ground them up. When we took Alekseyevka, there was not a single German in sight, they had all fled. There were many dead.

—Were there wounded Germans?

Yes, and they were helped . . . the impudent one got done in. Those young guys, you give them a drink, they yank it out from you and turn insolent. You make them walk, they refuse and wrestle. In that case, “pow”, and he's gone. What else could you do? It happened. There weren't many fools, and the older guys would just do what they were told. We helped the badly wounded ones. Everyone wants to live, aren't we all human? I didn't shoot anyone, but the guys shot one. He wore scout's camouflage.

—In the Lithuanian division there were Lithuanians, Jews, Russians . . .

I must say the Lithuanians were only among the officers. They were good guys, too. Still, many Lithuanians had changed sides. When we were deployed near Orel, many changed sides. The Russians in the division had Lithuanian ancestors. Initially, Jews constituted about forty percent.

—In what language were orders given?

Yiddish in the 6th company, and Russian everywhere else.

—Did you speak Russian when the war began?

We didn't speak Russian.

—Did you learn it during the war?

Yes. We began when the Red Army came. It was nice. The artillery, the cavalry. They sang very well and there were many women. They sang “Suliko”, and we liked it very much. They began to build airfields, but unfortunately, had no time to complete the works. In Ponary [Paneriai], seventy thousand Jews were shot. The Soviets had begun building oil storage facilities for the airfield, and the German used these pits to shoot the Jews. Ten pits had been dug up, seven were filled with seventy thousand people. Each pit contained ten thousand Jews. They were Lithuanian Jews. And they were shot by youths. Jews and Lithuanians used to live together like brothers until 1937. And in 1937 Lithuanian parties began to form . . . Anti-Semitism was on the rise. I even had to make rounds at night—I lived in a small village, buildings were made of wood, so I guarded against arson.

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—Was it when the Red Army arrived or before?

Before. The Red Army came in 1940. Another terrible tragedy was the exchange of German Lithuanians for Lithuanian Germans. That was a terrible thing.

—Why did you go to Vilnius after the war?

Where else was I go? In our village, even the church was destroyed during the war.

—It's easier to settle in a city, is it not?

Most certainly. We were employed and accommodated straight away: first in dormitories and then in flats. What else was I to look for? My family? I inquired, nobody remained alive, everyone was shot. Well, I used to have uncles in Kaunas. One had a sawmill in Upyna. When the Red Army arrived, he ran away from the Russians to another town. My sister died there. She came to visit. He had two teenage sons and a four-year-old daughter. Under the Germans the town commandant gave him a pass back to Upyna. When he arrived, the girl was so glad to see him. And then they came for the children: some say the children were used for blood for soldiers, others say they were killed straight away. He did not let them take her, so they shot them both.

—When did you hear about the tragedy of the Lithuanian Jews? During the war, after the war?

After the war. We had heard about it from radio broadcasts; artists came to us. Partisans informed them. But we did not realise the extent of it. It was Lithuanians who carried out the murders.

—Were the Lithuanians implicated in the killings ever prosecuted?

Very few of them were punished because of the new laws . . . I do not know, I can't say. They are not even hiding it, their motto is "We used to beat them and will continue to do so". Just recently 200 people took to the streets with slogans "Russians and Jude, get out of Lithuania". And this was done under police protection. Where is the law, I ask you? So, there you are.

—Do your children live in Vilnius?

Yes, in Vilnius. My son graduated from an institute, and the daughter did not want to study, so she works in a kindergarten. Their son is all grown up now, married and has a daughter of his own, my great-granddaughter.

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—Do they know how you fought, how you lived?

To tell you the truth, my son's wife is not nice . . . she is waiting for me to die. It's my fault. I have signed off my flat to my son. I thought that they would be grateful, but now . . . they just want me to die so that they can sell the flat.

—Do you have Lithuanian friends?

I can't hold all the Lithuanians responsible. There are good Lithuanians. There are Lithuanians who hid Jews. If they found a Jew hidden by a Lithuanian family, they would shoot everyone.

—Have you been told this?

I know it. There was even a trial. The fact of the matter is there were good people and bad. There was this priest who did a reprehensible thing. A wealthy family lived in a place called Butrimonys: husband and wife and their daughter, who married two years before the war and had a child. The mother and father had been shot soon after and the rest offered gold to hide with the priest. Three days before liberation, when he saw the Russians approaching, he wanted to pocket all the gold and sneaked up on the three of them at night and chopped their heads off. There was a trial. A woman who lived there told me the story. But there were also Lithuanians who saved Jews. They even forged their documents to give them Polish or Lithuanian identities. Such people existed.

—When you were seriously wounded . . .

They dragged me into this ravine to a medical-sanitary battalion and performed blood transfusion. And afterwards, I remember receiving a glass of hot tea with sugar to suck on.

—Were there Lithuanian doctors in the medical battalion?

Yes, there were a few people from Lithuania. Not everyone had changed sides. Our regiment commander was a major of the Lithuanian army. The general was also from the Lithuanian army. Our political officer was called Matiauskas . . . when the Russians had entered Vilnius, they recruited to the army. In Balakhna, I was taken in immediately and assigned to mortar company. The company commander was a Lithuanian, and the squad leader was Jewish. We had good commanding officers. The colonel himself went into battle. He would have been promoted to the rank of general but his brother served in the fascist army. He was accused of knowing his whereabouts. And how could he have known when he fought with us against the Germans. He was a patriot, first to go into battle.

—Did you meet your comrades-in-arms after the war?

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

Grigoraitis. We were friends, drank and went fishing together.

—What was his rank during the war?

Junior lieutenant and then colonel. We were deployed in Tula, he married a Russian. He was a very good friend of mine, very good. He spoke Yiddish like a Jew. He lived among Jews. The sixth company was composed of Jews, they sang songs in Yiddish.

—Did anyone say prayers on Saturday? Were there religious Jews? Or did it fade into the background?

There was one guy in the army. He died, poor thing. He died standing upright in deep snow. There are very few Jews now. At most, seventeen people go to the synagogue. You should go to the synagogue, there is a cemetery there—Gaon, seven Jewish graves . . .

—There is a house in the old town where Gaon lived, it has a plaque.

It is in the courtyard where an old synagogue used to be. There is Gaon Street, Gide Street, Antokolskio Street. This is the old town. Where do you live now, what hotel?

—Conti Hotel.

Oh, so this is where the Jewish synagogue is.

—Near the synagogue.

Jews stay there. The owner is a Jew. It has recently opened. It's expensive though.

—Everyone says that this is a Jewish hotel.

I'll tell you why. Because they serve kosher food.

—There is cheese, salami, milk, ham for breakfast.

Well, I am not saying everything is kosher.

Thank you very much.

. . .

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>

ITEM TYPE VIDEO

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIAN

—Do you have any military awards?

"The Order of the Patriotic War" and "For Courage".

—What did you receive the medal "For Courage" for?

The Battle of Kursk . . .

—Did you face tanks?

No, no. There were self-propelled guns though.

—Did many die?

No, that was fortunate. Had they all died, there would have been no one to reward. In 1943 many died.

—And when did you receive the Order of the Patriotic War?

After the war, everyone who fought in the war was awarded. The injured ones received 1st class, the rest - 2nd class . . . Afterwards, we had five Heroes of the Soviet Union in the division . . . One girl received three Orders of Glory. She was a machine gunner. She survived. They protected her . . .

—Thank you very much!

Berelis Glazeris, full unedited interviewID [LT010.interview](#) PERMALINK <http://n2t.net/ark:/86084/b4xk84s1q>ITEM TYPE **VIDEO**

ORIGINAL LANGUAGE

RUSSIANCITATION **MLA***Citation information coming soon!*CITATION **APA***Citation information coming soon!*CITATION **WIKIPEDIA***Citation information coming soon!*

CONTACT

INFO@BLAVATNIKARCHIVE.ORG
212.275.4600**BLAVATNIK ARCHIVE FOUNDATION**
1633 BROADWAY AVE, 4TH FL
NEW YORK, NY 10019**BLAVATNIKARCHIVE.ORG**
FACEBOOK.COM/BLAVATNIKARCHIVE